

Любовью озаренные

Люди и судьбы. Мы часто за сиюминутными событиями, политическими противоборствами, техногенными катастрофами, военными конфликтами и т.п., когда в воздухе витают слова «народонаселение», «электорат», «народные массы», «политические объединения», «толпа» и др., мы часто забываем об отдельных людях и личностях, которые и являются основой вышеназванных определений. И когда встречаешься с такими людьми, понимаешь, что они и есть теми, кто прошёл и преодолел те события, о которых мы сказали в начале нашего текста. Более того, их жизненная дорога, жизненная веха, которой они ознаменовали свою жизнь, – тоже пример для общества.

Знакомьтесь: Алексей и Екатерина Стрижаковы. Из уважения к ним в дальнейшем своём рассказе я буду обращаться к ним уважительно-официально – Екатерина Григорьевна и Алексей Алексеевич. Они пенсионеры, абorigены Чернобыльского Полесья, старожилы Славутича. Совсем недавно, в январе этого года, они отметили знаменательную веху в своей жизни – 50 лет супружеской жизни.

Алексей и Екатерина появились на свет в тяжёлые годы Второй мировой войны. Он родился в 1941 году, а она – в 1942-м. Годы детства и юности особо не отличались от большинства их сверстников из других регионов Украины. Село, в котором жили и учились Екатерина Григорьевна и Алексей Алексеевич, находилось в нескольких километрах от будущей Чернобыльской атомной станции. После семилетки была вечерняя школа, работа в колхозе. Оба, как и многие в те годы, росли без отцов, которые не вернулись с поля боя.

Село – это обычно такое место, где все знают друг друга, и молодежь знает друг друга в лицо, часто встречаясь на работе и отдыхе. Так и познакомились Алексей и Екатерина в родном селе и начали встречаться. Наступил год 1960-й. Как и любой молодой человек в СССР, Алексей готовился пойти в армию. И здесь опять подарок судьбы: в стране было принято решение направлять в армию подготовленных водителей, его направили на 4-месячные курсы водителей в Чернобыль. Когда подошло время призыва, то на призывной пункт в Чернобыль Алексея провожала и Екатерина. 20 сентября 1960 года он ушел в армию. Служить пришлось в Прибалтике. Когда Алексей Алексеевич начал говорить о службе в армии, на его лице я заметил тень грусти и боли. Он задумывается и с печалью в голосе говорит:

– Я ведь тоже мог стать участником начала Третьей мировой войны. События 1962 года в районе Карибского моря (Карибский, или Кубинский кризис), когда в ответ на размещение американских ракет в Турции СССР начал размещение своих стратегических ракет с ядерными боеголовками на Кубе. В сентябре 1962 года я на корабле пересек океан и прибыл на остров Свободы. Как и все военнослужащие, я был в гражданской одежде и служил шофером в одном из подразделений. Обстановка была напряженная, наши командиры говорили о возможности боевых действий. Нам, рядовым военнослужащим, трудно было понять и оценить сложившуюся ситуацию, но в последние дни октября 1962 года (как мне кажется, это было 28 число), в 10 утра нас предупредили о начале боевых действий, а уже спустя час поступил противоположный приказ и нам сообщили, что мы будем готовиться к возвращению домой. Здравый смысл возобладал, были достигнуты определенные догово-

ренности и тем самым предупреждено начало новой войны. Возвращались мы опять морем через Дарданеллы, турецкий Стамбул, потом был Балтийск, откуда мы уже своим ходом вернулись в родное подразделение, даже на свои койки попали.

Прослужил еще почти год, а летом 1963 года, перед демобилизацией, нас, водителей, направили в Кировоградскую область для оказания помощи в уборке урожая, а 10 декабря я вернулся в родное село.

Слушая рассказ Алексея Алексеевича, видя его взволнованное от воспоминаний молодости лицо, я понимал, что сегодня, вспоминая тревожные дни осени 1962 года, с учетом знаний об объявленном США 24 октября карантине в отношении Кубы, о том, что более 500 военных кораблей участвовали в блокаде острова и почти 300 тысяч военнослужащих армии США были готовы высадиться в составе десанта на остров, а военные самолеты противника постоянно бороздили небо над Кубой, военнообязанный Алексей Стрижаков еще раз переживал не только те тяжелые дни, но и волновался за теперешних молодых ребят, которые сегодня в военной форме защищают территорию своего государства – Украины. Алексей Алексеевич и Екатерина Григорьевна в один голос говорят, что они не понимают, почему происходит агрессия России против Украины, почему захвачен Крым:

– У нас племянники в Москве, три года назад мы ездили хоронить родственника, отношения были всегда хорошими. Зачем надо было нападать на Крым, ведь это украинская земля?! Тревожат все эти события, и очень не хочется, чтобы началась война.

У Алексея Алексеевича влажные глаза, он незаметно старается смахнуть слезу... И я спешу отвлечь хзояев от тяжелых мыслей и возвращаю к истории их семейной жизни. И задаю вопрос: «А когда произошло одно из самых важных событий в вашей жизни?».

Алексей Андреевич продолжает свой рассказ, а Екатерина Григорьевна иногда дополняет его:

– После возвращения в родное село я сразу попал под прессинг родных и друзей, которые советовали жениться. Действительно, Катя ждала меня из армии, мы опять встречались и испытывали друг к другу нежные чувства. Заслал сватов. Восьмого января мы поженились, свадьбы, по большому счету, не было, было только сватанье, так как мы уже говорили, что наши отцы остались на полях сражений Великой Отечественной, матери не могли организовать большую свадьбу, поэтому посидели за столом, выпили по чарке, а 1 февраля нас официально расписали в местном сельсовете, что и зафиксировали записи в паспортах. Сначала работал водителем в колхозе, а потом в 1971 году пошел на

Молоды душой

строительство первого энергоблока ЧАЭС. Поработал там всего 9 месяцев и опять вернулся в колхоз.

Самым памятным событием того времени остался приезд зимой на праздники домой в село. Вообще добираться на работу было трудно: пять километров до трассы, где проходил автобус Янов – Полесское, или по прямой семь километров. Транспорта не давали, а в этот раз разрешили на рабочей

Предки

машине съездить. Ночью началась сильная метель, и дороги замело так, что не мог выехать на трассу, пришлось даже просить трактора в колхозе. После этого случая я решил вернуться на работу в колхоз. И если сложить все периоды работы в колхозе, то получится 27 лет, а всего водителем я проработал 56 лет.

– А что произошло с вами в 1986 году, после катастрофы на Чернобыльской атомной станции?

Тут уже активно вступила в разговор Екатерина Григорьевна: – На весну 1986-го мы уже две зимы перезимовали в новом доме, у нас росли дети, первый ребенок, сын Леонид, родился в 1965 году, второй была дочь Валентина, она родилась в 1967-м, а самая младшая дочь родилась спустя 17 лет – 16 апреля 1984 года. Стабильная работа, домашнее хозяйство, всё было хорошо и мы совсем не ждали беды, тем более, что атомная станция росла у нас на глазах. Выйдешь

на огород за сараи – и видна строика. Утром 26 апреля младшая дочь Наташенька еще гуляла на улице и бегала босиком по ручью, недалеко от дома, а вечером мы уже могли видеть свечение и пар над четвертым энергоблоком Чернобыльской атомной станции. Наше село было на расстоянии 11 километров от станции, и мы уже думали, что нас не отселят, но пятого мая поступило распоряжение, в село приехали автобусы и нас всех вывезли в Макаровский район. Алексей ехал за автобусами, нагруженный вещами. Попали мы в село Андреевку, недалеко от Борожняки. Поселили нас у одинокой женщины. А 16 августа нас опять посадили в автобусы и перевезли в Згуровский район, где строились для нас дома. Приехал сын и предложил отцу поехать в Чернобыль, чтобы найти работу. Там их сразу же на работу и взяли. Сына, как молодого человека, отправили работать в Славутич в автопарк, а Алексея оставили в Чернобыльском ОРСе вахтовым методом по 15 дней. Там он и проработал пять лет до самой пенсии. Я работала в санэпидемстанции, потом в детском саду, в школе. В Славутич мы вернулись, когда сын получил в 1993 году квартиру, мы сначала жили у него, а потом и мне, как пострадавшей и участнику ликвидации, дали квартиру.

Женщина задумалась, а я боялся нарушить эту грустную тишину, потому что знал, что она, тишина эта, посвящая свекрови, которой уже нет с ними. Знал я и то, что последние шесть лет свекровь, инвалид первой группы, была постоянно прикована к постели, и дружная семья безуданно забочилась о больном человеке. Наверное, супруги Стрижаковы, сами имея широкое открытое сердце, добрую, отзывчивую душу, не забывают доброты других и громко не говорят, когда их обижают. Они с благодарностью вспоминают человека, который дал совет Алексею Алексеевичу оформить свое увольнение с работы в связи с сокращением, что давало право на получение денег еще полгода. Они благодарны всем, кто оказывал им помощь, когда болела мама, и совсем не могли понять, почему так трудно было оформлять чернобыльские документы на Екатерину Григорьевну. И грустно ста-

новится, когда слышишь его рассказ о том, что 15 лет пролежали где-то в архивах официальных организаций документы, говорящие о том, что он является участником боевых действий (Карибский кризис). Написал я этот абзац и подумал, что это именно я больше других, больше, чем они, чем-то неудовлетворен. А как же еще объяснить тот факт, что семья Стрижаковых до сих пор не может использовать деньги, которое им выплатило государство за дом, из которого их выселили после Чернобыльской трагедии в родном селе?! Да и села уже давно нет. Им предложили положить эти деньги на сберкнижку, а потом это же государство заморозило счета на сберкнижках! Супруги, с присущим им оптимизмом и законопослушанием, говорят: «Не только у нас одних». Любовь помогала им во всем – от долгого ожидания до трудных моментов в жизни, когда судьба требует совместных усилий, когда вера, надежда и любовь окрыляют, дают возможность мечтать и добиваться того, чтобы мечта исполнилась. Сегодня они вспоминают всё с легкой улыбкой, вспоминают тяжелые моменты юности, когда простой одежды не хватало, чтобы ходить в школу, когда приходилось соединять учебу в школе и выходы на пастбища, как вывозили имущество односельчан из родного села после Чернобыльской трагедии, как осваивали дачу в Мекшуневке и везде, по большому счету, они были вместе. Нельзя сказать, что между ними не было вообще противоречий или ссор, но любовь переборола всё! Они смогли понять друг друга и, возможно, где-то даже простить. Не бывает жизненной дороги, гладкой, как новый асфальт, но и тем крепче любовь, если совместно преодолеваются ухабы и выбоины на этой дороге!

Беседа с такими молодыми душой юбилярами, которые и сегодня, рассказывая о своей судьбе, о событиях, которые в той или иной мере коснулись их жизни, нежно подтрунивая друг над другом, с улыбкой, а иногда вместе грустя, вспоминают те или иные моменты жизни, начинаешь более глубоко понимать словосочетание «Окрыленные любовью».